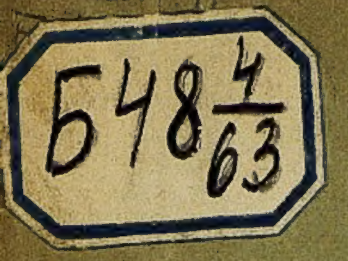

Историческій очеркъ.

Кто онъ.

Е. Я. Мохаховъ.

Цѣна 20 к.

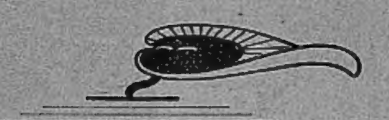

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.
1906.

КТО ОНЪ.

Сказаніе о загадочномъ Сибирскомъ старцѣ

ФЕДОРѢ КУЗЬМИЧѢ.

Составилъ Е. Я. МОНАХОВЪ.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.
1906.

ВЕЛИКІЙ СИБИРСКІЙ СТАРЕЦЪ

Федоръ Кузьмичъ.

† 1864 г.

Отъ составителя.

Въ 1873 г. судьба перебросила меня изъ центра Россіи на материкъ Азіи, за предѣлы угрюмаго Урала.

За 27 лѣтъ пребыванія тамъ, мнѣ пришлось вдоль и поперекъ исколесить безграничныя и драгоцѣнныя владѣнія русскаго народа, пришлось побывать въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ дикой, но далеко не такъ суровой и непривѣтливой Сибири, одно имя которой еще недавно внушало непреодолимый страхъ и вызывало невольный трепетъ у мирнаго богобоязненнаго русскаго человѣка.

Проѣздомъ и по своимъ личнымъ дѣламъ неоднократно и по—долгу приходилось мнѣ бывать въ г. Томскѣ, пососѣдству съ которымъ нѣкогда жилъ и умеръ загадочный старецъ Федоръ Кузьмичъ.

Молва объ удивительной подвижнической жизни его, свято хранимая среди мѣстныхъ жителей, сама собою заставляетъ интересоваться судьбою этого необыкновеннаго отшельника и невольно приковываетъ къ нему всякаго болѣе или менѣе

любознательнаго человѣка, попавшаго въ тѣ мѣста.

Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего неестественнаго. Не говоря о томъ, что этотъ Великій Старецъ и своимъ неожиданнымъ появленіемъ въ предѣлахъ Сибири, и таинственностью своей исторіи, и удивительнымъ образомъ жизни, самъ по себѣ представлялъ далеко незаурядное явленіе, но въ народѣ кромѣ того давно уже память о немъ связываютъ съ высокимъ именемъ покойнаго Императора Александра I Благословеннаго.

Зачарованный разсказами о таинственномъ отшельникѣ, живо интересуясь всѣми мельчайшими подробностями изъ его вседневной жизни, я лично и нѣсколько разъ побывалъ въ мѣстахъ, которыя такъ или иначе связаны съ именемъ Федора Кузьмича.

Ища разгадку его таинственной исторіи, такъ сказать ключъ къ загадочной легендѣ, я не ограничился собранными на мѣстѣ разсказами и собственными наблюденіями, а пересмотрѣлъ многочисленныя замѣтки и повѣтствованія, появившіяся объ этомъ въ печати, сопоставилъ ихъ съ жизнеописаніемъ Императора Александра 1-го и провѣрилъ нѣкоторые наиболѣе цѣнные подлинные документы, которые быть можетъ и послужили основаніемъ сложившейся въ обществѣ и распространившейся въ народѣ легендѣ о Сибирскомъ Старцѣ—Великомъ отшельникѣ.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ жизнеописанію Федора Кузьмича, я укажу наиболѣе извѣстные и цѣнные источники, которыми я воспользовался при своей работѣ.

1) Кн. Н. С. Голицынъ.—Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ. Русская старина 1880 г., ноябрь.

2) В. Долгорукій.—Отшельникъ Александръ (Федоръ) въ Сибири. Русская Старина 1887 г., октябрь.

3) И. С.—Отшельникъ Федоръ (замѣтка). Русская Старина 1887 г., ноябрь.

4) Епископъ Петръ.—Сибирскій Старецъ Федоръ Кузьмичъ. Русская Старина 1891 г., октябрь.

5) М. Ф. Мельницкій.—Старецъ Федоръ Кузьмичъ. Русская Старина 1892 г., январь.

6) Статьи, помѣщенныя въ газетахъ: Русскій Листокъ за 1898 г. и Сибирскій Вѣстникъ 1891 г.

7) Н. К. Шильдеръ.—Императоръ Александръ 1-й, его жизнь и царствованіе.

8) Баронъ Корфъ.—Восшествіе на престолъ Императора Николая 1-го, третье изданіе (для публики) 1857 г.

9) Жизнеописаніе Митрополита Филарета Московскаго.

Е. Монаховъ.

Москва 1906 г.

СКАЗАНІЕ

о Сибирскомъ старцѣ

ФЕДОРѢ КУЗЬМИЧѢ.

Появленіе старца Федора Кузьмича въ Сибири—въ предѣлахъ Томской губерніи относятъ къ 1837 г.

Вотъ что по этому поводу говоритъ М. Ф. Мельницкій въ январьскомъ номерѣ Русской Старины за 1892 г.: осенью 1836 г. къ одной изъ кузницъ, находившихся около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ какой-то мужчина лѣтъ 60-ти и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ верховую лошадь.

Кузнецъ, исполняя желаніе проѣзжаго, заинтересовался красивою лошадью и самою личностью старика, одѣтаго въ обыкновенный черный крестьянскій кафтанъ, не отвѣчавшій совсѣмъ мягкимъ манерамъ проѣзжаго и ясно обличавшій въ немъ человѣка не простого.

Уклончивые отвѣты на разспросы кузнеца о цѣли путешествія, принадлежности лошади, а также объ имени и званіи самого путника, возбудили подозрѣніе собравшагося вокругъ кузницы народа, и неизвѣстный былъ задержанъ.

На допросѣ властей онъ назвалъ себя Федоромъ Кузьмичемъ, непомнящимъ родства; отъ дальнѣйшихъ показаній отказался и по тогдашнимъ законамъ былъ арестованъ за бродяжничество.

По справкамъ въ экспедиціи о ссыльныхъ въ г. Томскѣ выяснилось, что Федоръ Кузьмичъ, какъ бродяга, былъ наказанъ 20 ударами плетей, висланъ изъ Красноуфимска на поселеніе въ Сибирь, въ Томскую губернію, близъ г. Ачинска, и приписанъ къ деревнѣ Зерцалы, Боготольской волости. Сюда онъ прибылъ 26 марта 1837 г. вмѣстѣ съ партіей ссыльныхъ.

Сохранились разсказы о томъ, что необыкновенно величественная наружность, чарующее выраженіе лица таинственнаго старца, его пріятное обхожденіе и манера говорить выдавали его знатное происхожденіе.

Это бросалось всѣмъ въ глаза, необыкновенно располагало окружавшихъ къ незнакомцу, вызывало всеобщее сочувствіе къ его судьбѣ; но увѣщаніе открыть свое званіе и этимъ спастись отъ кары остались тщетными: старецъ упорно продолжалъ называть себя бродягою.

По прибытіи въ Сибирь, Федоръ Кузьмичъ первоначально былъ помѣщенъ на казенный винокуренный заводъ при селѣ Краснорѣченскомъ, въ 15 вер. отъ мѣста приписки дер. Зерцалы, гдѣ и прожилъ около 5-ти лѣтъ.

Болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о пребываніи его здѣсь не имѣется, хотя мѣстные жители сохранили о немъ самыя лучшія воспоминанія.

Впрочемъ, стремленіе къ уединенію, желаніе поселиться вдали отъ народа, въ это время Федоръ Кузьмичъ видимо не скрывалъ и въ 1842 г. охотно согласился на предложеніе казака Семена Николаева Сидорова переѣхать на жительство въ Бѣлоярскую станицу, въ отдѣльную небольшую избушку, нарочно для него построенную.

Узнавши объ этомъ, крестьяне сосѣднихъ деревень положительно не давали ему покоя своими просьбами перекочевать къ нимъ, обѣщая большія удобства. Дѣло однако окончилось тѣмъ, что Федоръ Кузьмичъ, съ цѣлью избавиться отъ постояннаго безпокойства, ушелъ изъ Бѣлоярской станицы въ деревню Зерцалы—на мѣсто своей приписки.

Здѣсь онъ поселился у скромнаго поселенца, нѣкоего Ивана Иванова, только что возвратившагося съ каторги.

Не смотря на то, что Ивановъ и семья его скоро привязались къ Федору Кузьмичу и относились къ нему съ особеннымъ радушіемъ, жизнь въ одной избѣ съ ними, видимо, чрезвычайно тяготила старца.

Къ слѣдующему году односельчане Иванова съ общаго согласія рѣшили построить ему возлѣ деревни отдѣльную келью, въ которой онъ прожилъ 11 лѣтъ.

За этотъ сравнительно долгій періодъ, Федоръ Кузьмичъ частенько посѣщалъ сосѣднія деревни, обучая дѣтей грамотѣ, а много разъ надолго бросалъ свою келью и заходилъ

даже въ далекія Енисейскія тайги на золотые пріиски.

Въ 1849 г. одинъ богатый и весьма уважаемый Краснорѣченскій крестьянинъ Иванъ Гавриловъ Латышевъ построилъ въ живописномъ мѣстѣ—на берегу р. Чулыма—въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣченскаго новую маленькую келейку, куда и перебрался Федоръ Кузьмичъ.

Съ этого времени личность таинственнаго неразгаданнаго старца начинаетъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе своею строгою, подвижническою жизнью, полною воздержанія и поучительности.

Очень умѣренный въ своихъ потребностяхъ, онъ поражалъ своею скромностью во всѣхъ отношеніяхъ.

Обстановка его кельи всегда отличалась поразительною незатѣйливостью: жесткая постель, двѣ—три скамейки и небольшой столикъ,—вотъ вся его мебель.

Въ правомъ углу у него висѣло нѣсколько образовъ: маленькій образокъ Александра Невскаго, Печерской Божьей матери и др. На столикѣ стояло небольшое Распятіе, ле-

жало Евангеліе, акафистъ Живоначальной Троицѣ, маленькій Кіево-Печерскій молитвенникъ и небольшая книжка, подъ заглавіемъ—«Семь словъ на крестѣ Спасителя».

День Федора Кузьмича начинался обыкновенно очень рано. Но большую часть его онъ, безъ сомнѣнія, посвящалъ молитвѣ. По крайней мѣрѣ толстыя мозоли на колѣняхъ его, обнаруженныя послѣ смерти, даютъ основаніе дѣлать такой выводъ.

Умѣренный вообще, онъ былъ чрезвычайно воздержанъ въ пищѣ. Нѣсколько сухарей, размоченныхъ въ обыкновенной водѣ, составляли его обычный обѣдъ.

Правда, когда почитатели его приносили ему пироги, лепешки, а особенно жареныя оладьи съ сахаромъ, онъ не отказывался отъ приношеній, но обыкновенно, отвѣдавъ немного, раздавалъ все заходившимъ къ нему странникамъ и бродягамъ.

Но что замѣчательно, такъ это то, что онъ никогда не дотрогивался даже до вина и строго порицалъ пьянство.

Не меньшею простотою, чѣмъ вся обстановка жизни этого таинственнаго отшельника,

бросалась въ глаза и его одежда. Лѣто онъ ходилъ въ одной бѣлой длинной изъ деревенскаго холста рубашкѣ, подпоясанной веревкою, а зимою надѣвалъ простой бумажный халатъ чернаго цвѣта или тулупъ, когда выходилъ на холодъ *).

И все-таки, не смотря на это, его царственная осанка и удивительная внѣшность не исчезла за рубищемъ простолюдина—бѣдняка.

По описанію Томскаго купца Хромова, старецъ былъ высокаго роста (2 арш. 9 или 10 вершковъ), плечистый, статный; видъ его достопочтенный, величественный, лицо бѣлое, красивое, хотя онъ никогда не умывался; глаза голубые, рѣчь тихая сложная.... Правда, иногда онъ казался строгимъ, повелительнымъ, но это было очень рѣдко, обыкновенно же онъ былъ воплощеніе доброты.

Поступь благочестиваго старца, походка и

---

*) Обувь его составляли мѣдные башмаки—ботики, которые замѣняли собою вериги подвижниковъ. Въ настоящее время эти ботики хранятся въ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ мнѣ удалось ихъ видѣть. Вѣсъ ихъ около 14 фунтовъ, на пяткахъ сильно стерты.

всѣ его манеры были, какъ у человѣка благовоспитаннаго и образованнаго. Все это давало основаніе Хромову видѣть въ Федорѣ Кузьмичѣ человѣка не простого происхожденія, хотя онъ и старался соблюдать простоту въ рѣчахъ и во всемъ поведеньи.

Будучи очень набожнымъ, старецъ постоянно посѣщалъ часовню Иверской Божьей матери, нерѣдко заходилъ въ Крестовую церковь, гдѣ становился на правой сторонѣ при самомъ входѣ—позади всѣхъ богомольцевъ. Но не смотря на свою религіозпость, онъ никогда не ходилъ къ исповѣди и причастію у себя въ селѣ, чѣмъ вызывалъ неудовольствіе среди мѣстнаго духовенства. Впрочемъ, какъ впослѣдствіи оказалось, это объясняется тѣмъ, что у Федора Кузьмича былъ постоянный духовникъ — отецъ Петръ, священникъ Красноярской кладбищенской церкви, человѣкъ хорошей подвижнической жизни, образованный и очень любимый своими прихожанами.

Чрезвычайно почитаемый далеко за предѣлами своей округи, Федоръ Кузьмичъ былъ извѣстенъ своею прозорливостью, которая

привлекала къ нему массу посѣтителей для бесѣды или за совѣтомъ.

Наставленія его были серьезны, немногорѣчивы, разумны и всегда направлены къ нравственному состоянію посѣтителей, какъ говоритъ одинъ изъ его почитателей—Епископъ Петръ, часто мѣтили на сокровенныя помышленія, тайны сердца и поступковъ, большею частью были прикровенны такъ, что едва были понятны только тому, къ кому относились.

Особенно рельефно охарактеризовалъ его Мельницкій въ этомъ отношеніи: тонкое пониманіе человѣческой натуры и въ особенности духовной стороны ея вмѣстѣ съ необыкновеннымъ даромъ слова, позволяли ему исцѣлять душевные недуги, подмѣчать и указывать слабыя стороны человѣка, угадывая иногда тайныя намѣренія, что въ связи съ его образомъ жизни, умѣньемъ обращаться съ больными, облегчать ихъ страданья и пр., возвысили его въ глазахъ простого народа и возбудили о немъ впослѣдствіи, какъ о великомъ угодникѣ Божьемъ, всевозможные толки далеко за предѣлами его мѣстопребыванія.

Кромѣ того, онъ обнаруживалъ немало знанія крестьянской жизни, отдавалъ предпочтеніе земледѣльцамъ, дѣлалъ цѣнныя сельско-хозяйственныя указанія относительно выбора и обработки земли, устройства огородовъ и всякаго рода посѣвовъ...

Вмѣстѣ съ этимъ онъ постоянно выяснялъ огромное значеніе для государства земледѣльческаго класса, знакомилъ крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ уважать власть, хотя попутно указывалъ, что и великіе государственные дѣятели тѣ же обыкновенные люди: «и цари, и полководцы, и архіереи—это такіе же люди, какъ и вы, обычно говорилъ онъ,—только Богу угодно было однихъ надѣлить властью великою, а другихъ предназначить жить подъ ихъ постояннымъ покровительствомъ»...

Самъ Федоръ Кузьмичъ всегда старался подчеркнуть, что всѣ люди равны, почему никогда не отдавалъ предпочтенія званію, а оцѣнивалъ человѣка по его личнымъ качествамъ.

Посѣщая сосѣднія деревни, онъ не проводилъ времени въ праздности, а старался

всячески помочь темной неразвитой массѣ крестьянскаго населенія. Обучая дѣтей грамотѣ, онъ знакомилъ ихъ со священнымъ писаніемъ, сообщалъ свѣдѣнія по географіи и исторіи.

Всѣ разсказы его дышали правдивостью и сердечностью, глубоко запечатлѣвались въ памяти простодушныхъ слушателей и долго сохранялись послѣ его смерти, передаваемые изъ устъ въ уста.

Не ограничиваясь дѣтьми, онъ старался бросить зародышъ свѣта и среди взрослыхъ, увлекая ихъ поучительными религіозными бесѣдами или занимательными разсказами изъ отечественной исторіи, особенно о военныхъ походахъ и бояхъ.

Освѣдомленность въ этомъ у него была поразительно велика. Повѣствованія нерѣдко дышали такою живостью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если рѣчь заходила о войнѣ 1812 г. и походѣ Наполеона на Москву, что вызывали недоумѣнье среди интеллигентныхъ ссыльныхъ и невольно укрѣпляли убѣжденіе въ томъ, что это человѣкъ далеко не обыкновенный, несомнѣнно высокообразованный, про-

никнутый гуманными идеалами и побужденіями, любящій свою родину и немало поработавшій на ея пользу.

Среди мѣстныхъ жителей сохранилось воспоминаніе, что Федоръ Кузьмичъ особенно чтилъ день Александра Невскаго. Этотъ день онъ обыкновенно проводилъ въ домѣ двухъ уважаемыхъ имъ старушекъ—Маріи и Марфы, сосланныхъ господами въ Сибирь и прибывшихъ на поселеніе вмѣстѣ со старцемъ въ одной партіи. День этотъ всегда отличался особенною торжественностью,—готовились пироги и другія яства, а старецъ проводилъ его въ особенно хорошемъ настроеніи, вспоминалъ о Петербургѣ и видимо переживалъ что-то знакомое ему, близкое, родное...

«Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ»! разсказывалъ онъ,—«стрѣляютъ изъ пушекъ, развѣшиваютъ ковры, вечеромъ по всему городу освѣщеніе, и общая радость наполняетъ сердца человѣчсскія»....

Мельницкій въ своихъ изысканіяхъ говоритъ о Федорѣ Кузьмичѣ, что онъ вообще обнаруживалъ необычайное знаніе Петербургской придворной жизни и этикета, а

также событій начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтія...

Онъ зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и давалъ весьма мѣткія характеристики ихъ. Съ большимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ отзывался о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Любилъ разсказывать объ Аракчеевѣ, о его военныхъ познаніяхъ, о его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ. Про Кутузова говорилъ, что онъ былъ великій полководецъ и Александръ завидовалъ ему.

Замѣчательно, что Федоръ Кузьмичъ никогда не упоминалъ объ Императорѣ Павлѣ и не касался характеристики Александра Павловича. Развѣ событія, тѣсно связанныя съ именемъ этого Императора, вызывали нѣкоторыя о немъ сужденія. Такъ, разсказывая о вторженіи Наполеона въ Москву, Федоръ Кузьмичъ говорилъ, что Императоръ Александръ, еще при подходѣ французовъ къ Москвѣ, припалъ къ мощамъ Сергія Радонежскаго и долго со слезами молился этому угоднику. Въ это время ему послышался какъ бы внутренній

голосъ: «иди, Александръ, дай полную волю Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать изъ Москвы французовъ!... и какъ фараонъ, прибавлялъ старецъ, потонулъ въ пучинахъ Чермнаго моря, такъ французы на Березовой рѣкѣ»....

Разсказывалъ Федоръ Кузьмичъ и о возвращеніи Александра І-го изъ Парижа, когда купцы устилали дорогу его дорогими сукнами, а купчихи богатыми шалями, что очень нравилось Императору.

Подобные разсказы до послѣдняго времени хранились мѣстными жителями, среди которыхъ этотъ замѣчательный старецъ провелъ немало времени.

Въ 1852 г. Федора Кузьмича посѣтилъ Томскій купецъ Семенъ Феофановичъ Хромовъ.

Бесѣда и внѣшность старца произвели на посѣтителя чарующее, неотразимое впечатлѣніе.

Каждый годъ, проѣздомъ черезъ Краснорѣченское село, Хромовъ заходилъ къ старцу на бесѣду, то спросить совѣта, то выслушать наставленіе...

Въ 1858 г. Хромовъ упросилъ старца переселиться къ нему въ Томскъ на жительство. Старецъ согласился. Оставляя навсегда Зерцалы, онъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню образъ Печерской Божьей матери и Евангеліе. Въ день отъѣзда пригласилъ нѣсколькихъ крестьянъ въ часовню и по окончаніи молебна поставилъ въ часовню же раскрашенный разноцвѣтными красками вензель, изображающій букву А, съ короною надъ нею и летящимъ голубкомъ вмѣсто перечерка.

«Храните этотъ вензель пуще своего глаза», завѣщалъ онъ Зерцаловскимъ крестьянамъ. И буква эта хранится донынѣ за образомъ Печерской Божьей матери.

Въ октябрѣ 1858 г. Федоръ Кузьмичъ поселился у Хромова. «Живя въ деревнѣ, я хотѣлъ было удалиться въ лѣсъ, въ уединеніе, дальше отъ народа, но на это не было воли Божьей», объяснилъ ему старецъ. Первоначальное его помѣщеніе—былъ мезонинъ дома, на лѣто же онъ перебирался на заимку Хромова, верстахъ въ 4-хъ отъ Томска—въ лѣсу. Потомъ Хромовъ построилъ ему въ своемъ

садикѣ особую келью, гдѣ старецъ прожилъ до конца своихъ дней.

Пользуясь особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Федора Кузьмича, Хромовъ ближе другихъ зналъ старца и записалъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ или замѣчательныхъ случаевъ изъ его жизни.

Вотъ что онъ разсказывалъ въ своихъ запискахъ: лѣтомъ 1859 г., проживая на заимкѣ, старецъ сильно заболѣлъ и не принималъ никакой пищи, кромѣ воды. Интересуясь судьбою и загадочнымъ происхожденіемъ старца, Хромовъ въ это время какъ-то полюбопытствовалъ, не откроетъ ли старецъ, кто онъ. «Нѣтъ, это никогда не можетъ быть открыто», сказалъ старецъ,—«объ этомъ спрашивали меня преосвященный Иннокентій Камчатскій и Афанасій Томскій, и имъ не открыто».

Въ своихъ разсказахъ Хромовъ рисуетъ старца прозорливымъ, что онъ будто бы неоднократно испытывалъ на себѣ. Такъ, когда ему самому неоднократно приходилось приходить къ старцу съ разсѣянными помыс-

лами,—онъ сейчасъ же обличалъ гостя, но не прямо, а какъ-то загадочно.

Или: однажды старецъ подошелъ къ бочкѣ съ водою среди двора и просилъ жену Хромова полить ему воду на голову. Всѣ въ то время дивились этому необычайному случаю, а впослѣдствіи узнали, что въ это самое время былъ большой пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ, въ С.-Петербургѣ.

Приводитъ онъ и такой случай: однажды жена Хромова пріѣхала на заимку, гдѣ жилъ лѣтомъ старецъ, зашла провѣдать его, и узнать, не нужно ли ему чего-нибудь. Войдя въ келью, она увидѣла старца на лежанкѣ, въ одной простой рубахѣ. Ей стало грустно, и она подумала: Боже, какой человѣкъ, а самъ рѣшился пойти на такой трудный подвигъ, взять на себя такой тяжелый крестъ, смирить себя до такого унизительнаго состоянія!

«Э, полно, любезная! На это воля Божія»,—заговорилъ вдругъ старецъ, прозрѣвъ мысли Хромовой, и, помолчавъ немного, добавилъ: «Да, любезная, кто былъ, гдѣ былъ и очутился здѣсь у Васъ—на полянкѣ». Кромѣ

этихъ хранится въ памяти сибиряковъ немало и другихъ разсказовъ о прозорливости Федора Кузьмича.

Интересна запись Хромова, сдѣланная будто бы со словъ Федора Кузьмича: «Да, любезный, царская служба не безъ нужды. Романовыхъ домъ крѣпко укоренился и глубокъ корень его, милостью Божьей глубоко корень его сидитъ».

Слава о загадочномъ старцѣ быстро росла и распространялась по всей Сибири. Со всѣхъ концовъ стекались къ нему его почитатели, кто за совѣтомъ, кто просто поглазѣть.

Ни одинъ знатный путешественникъ не проѣзжалъ мимо, не побывавъ у Федора Кузьмича.

Такая популярность чрезвычайно тяготила старца, и онъ всячески старался укрываться отъ новыхъ посѣтителей. Только немногіе пользовались его всегдашнимъ расположеніемъ и довѣріемъ. Изъ крестьянъ онъ въ особенности любилъ своихъ бывшихъ хозяевъ, у которыхъ онъ жилъ и гостепріимствомъ которыхъ пользовался. Изъ высокопоставленныхъ лицъ его лучшими друзьями считались:

преосвященный Афанасій Иркутскій, пріѣзжавшій къ нему неоднократно и проживавшій въ его кельѣ по нѣсколько дней, а потомъ протоіерей о. Петръ, его духовникъ.

Но особеною, отеческою заботливостью окружалъ онъ молодую дѣвушку, дочь бѣднаго Краснорѣченскаго крестьянина, Александру Никифоровну, извѣстную въ Томскѣ подъ именемъ Маіорши Федоровой.

Вотъ что объ этомъ пишетъ Мельницкій *):

Александра Никифоровна родилась въ 1827 г., въ селѣ Краснорѣченскомъ и, рано лишившись родителей, попала подъ покровительство мѣстнаго священника, о. Поликарпа. Находясь постоянно при церкви, подъ непосредственнымъ вліяніемъ священно и церковно-служителей, она скоро стала очень религіозной, а природный умъ, мягкое сердце и необыкновенная отзывчивость съ самыхъ раннихъ лѣтъ требовала всецѣло отдаться служенію на пользу ближняго. Ей было около 12 лѣтъ, когда она первый разъ уви-

*] Русская Старина 1892 г., январь.

дала необыкновеннаго старца Федора Кузьмича. Толки о его строгой подвижнической жизни и чудодѣйственной силѣ, величественная фигура, общее къ нему уваженіе какъ-то невольно заставляли ее смотрѣть на него, какъ на нѣчто высокое, таинственное и недосягаемое. Мало-по-малу чувство это перешло въ слѣпое, безсознательное почитаніе, и дѣтское любопытство возбудило желаніе поближе познакомиться съ нимъ. Нерѣдко видѣла она Федора Кузьмича работавшимъ въ огородѣ, съ крестьянскими дѣвушками, или окруженнаго толпою крестьянъ, внимательно слушавшихъ его поучительныя бесѣды, и каждый разъ непреодолимая сила влекла ее къ нему поближе, ей хотѣлось послушать этого добраго старика, сдѣлать ему какое-нибудь удовольствіе или просто поболтать и приласкаться къ нему, но братья не пускали къ нему, говоря: «Нечего тебѣ безпокоить его, онъ съ тобой и говорить не будетъ».

Проходя какъ-то изъ лѣсу съ корзиночкою брусники мимо сосѣдняго огорода, увидала она въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя копающаго картофель старца и не утерпѣла,—быс-

тро перепрыгнувъ черезъ изгородь, она подбѣжала къ нему и, какъ она разсказывала, съ какимъ-то затаеннымъ сердечнымъ трепетомъ протянула ему свою корзиночку съ словами:

«Не хочешь ли, дѣдушка, ягодокъ?»

Старичекъ тотчасъ поднялъ голову, подошелъ къ смѣлой дѣвочкѣ, и въ добрыхъ глазахъ показались слезы умиленія; онъ наклонился къ ней, взялъ обѣими руками ее головку и поцѣловалъ въ лобикъ.

«Спасибо, миленькая.... развѣ ты не боишься подходить ко мнѣ, вѣдь тебя за это бранить будутъ»....

— «Пускай бранятъ, дѣдушка, я васъ полюбила, ягодокъ принесла, я давно хотѣла убѣжать къ вамъ, да все боялась, говорила, ласкаясь къ нему, дѣвочка».

Старикъ опять поцѣловалъ ее въ лобикъ, приласкалъ ее и велѣлъ приходить къ жившимъ на заводѣ двумъ сосланнымъ старушкамъ Маріи и Марфѣ, у которыхъ онъ бывалъ довольно часто. Съ этихъ поръ Александра Никифоровна безотчетно отдалась доброму старичку и сдѣлалась его первою любимицею.

Цѣлые дни проводила она у него, исполняя его порученія, сопровождала его во время прогулокъ, чинила его платье, а впослѣдствіи, когда старецъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Зерцалахъ, навѣщала его и тамъ почти ежедневно, ночуя около его кельи, и всевозможными способами оказывала ему свое расположеніе. Разсказы о жизни въ Россіи, о святыхъ мѣстахъ, монастыряхъ, великихъ подвижникахъ и богатствахъ лавръ совершенно вскружили голову молодой дѣвушкѣ. Федоръ Кузьмичъ зналъ рѣшительно всѣ монастыри и лавры и разсказывалъ о нихъ съ такими подробностями и такъ увлекательно, что Александра Никифоровна во что бы то ни стала порѣшила въ своемъ умѣ отправиться странствовать по Россіи. Родные братья ни за что не хотѣли отпускать ее изъ родной семьи и чтобы измѣнить ее намѣреніе, стали подыскивать ей подходящую партію. Настроенная на религіозный ладъ, она наотрѣзъ отказалась отъ мысли о замужествѣ. Федоръ Кузьмичъ оказалъ ей въ этомъ отношеніи немалую поддержку: «Погоди, говоритъ онъ ей, успѣешь еще выйти замужъ, тебѣ не годятся эти

женихи, ты непремѣнно выйдешь замужъ за какого-нибудь офицера».

Дѣвушка, привыкшая безпрекословно повиноваться своему покровителю, еще болѣе утвердилась въ своихъ намѣреніяхъ и, воодушевляемая разсказами старца, однажды категорически заявила о своемъ неизмѣнномъ желаніи отправиться къ святымъ мѣстамъ на богомолье; тогда ей уже было 20 лѣтъ отъ роду.

Федоръ Кузьмичъ составилъ ей подробный планъ путешествія, онъ отмѣтилъ монастыри, въ которыхъ она должна побывать во время своего странствованія, указалъ на лицъ, гостепріимно принимающихъ странниковъ, надѣлилъ всевозможными совѣтами и въ 1849 г. благословилъ свою любимицу на дальнее странствованіе... Какъ бы мнѣ увидать въ Россіи царя, спрашивала Александра Никифоровна старца Федора Кузьмича, собираясь въ дорогу и разспрашивая его о разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ.

«А развѣ тебѣ хочется видѣть царя»?

— «Какъ же, батюшка, не хочется, все говорятъ царь—царь, а какой онъ изъ себя— и не знаешь».

«Погоди, задумчиво замѣтилъ ей на это старецъ, можетъ быть и не одного царя на своемъ вѣку увидать придется; Богъ дастъ и разговаривать еще съ нимъ будешь и увидишь тогда, какіе цари бываютъ».

Много пришлось Александрѣ Никифоровнѣ испытать разныхъ передрягъ и дорожныхъ приключеній, прежде чѣмъ она добралась, наконецъ, до Почаевскаго монастыря, гдѣ, по указанію Федора Кузьмича, должна была встрѣтить какую-то «добрую и гостепріимную графиню».

Разспросивъ кое-кого изъ мѣстныхъ жителей бойкая дѣвушка очень скоро отыскала эту графиню и, заинтересовавъ ее своимъ грандіознымъ странствованіемъ въ такія молодыя лѣта, расположила къ себѣ добрую женщину. Графиня эта, какъ оказалось впослѣдствіи, была жена извѣстнаго въ свое время богомольца графа Димитрія Ероѳеевича Остенъ-Сакена.

Проживши нѣсколько дней въ Почаевскомъ монастырѣ, Александра Никифоровна вмѣстѣ съ графинею Остенъ-Сакенъ отправилась въ Кременчугъ, гдѣ Остенъ-Сакенъ жилъ

въ это время со всѣмъ семействомъ и лѣчился отъ полученной имъ въ Венгріи раны. Графъ и его семейство съ большимъ радушіемъ приняли молодую странницу и съ любопытствомъ разспрашивали ее о сибирской жизни; вскорѣ она пріобрѣла въ этомъ домѣ общую любовь, и гостепріимные хозяева уговорили ее погостить у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сибирскую гостью угощали, чѣмъ могли, и общество, собиравшееся у графа, забавлялось ея безхитростными повѣствованіями. Въ это время, т. е. осенью 1849 г., въ Кременчугъ прибылъ Императоръ Николай Павловичъ и остановился въ домѣ графа Остенъ-Сакена. Цѣлыя сутки Александра Никифоровна провела подъ одною кровлею съ своимъ царемъ при самомъ радушномъ его къ ней отношеніи. Государь, очевидно, заинтересовался молодою богомолкою и возможностью познакомиться, благодаря ея еще дѣтской наивности, съ жизненною обстановкою крестьянъ далекаго уголка своего государства и закидывалъ ее всякаго рода вопросами: «И сколько у нихъ попъ за свадьбы беретъ, и какъ себя дѣвушки ведутъ?—раз-

сказывала она, и чѣмъ народъ занимается, и что ѣстъ», и многое кое о чемъ разспрашивалъ, и все я ему спроста поразсказывала, а они (т. е. Государь и графъ) слушаютъ да смѣются. «Вотъ», говоритъ Государь Остенъ-Сакену, «какая у тебя смѣлая гостья то пріѣхала».

«А чего же мнѣ, говорю, бояться то,—со мной Богъ, да, святыми молитвами, Великій старецъ Федоръ Кузьмичъ, а вы всѣ такіе добрые, ишь какъ меня угощаете».

Уѣзжая, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ Остенъ-Сакену дать Александрѣ Никифоровнѣ записку—пропускъ, сказавъ ей: «если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи ту записку и нигдѣ не задержатъ,—разсказала бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ, присовокупивъ: если тебѣ въ чемъ будетъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду»! (Записку она отъ Сакена получила, но въ ней надобности не имѣла).

Проживъ около трехъ мѣсяцевъ въ домѣ графа Остенъ-Сакена и посѣтивъ нѣкоторые затѣмъ сосѣдніе монастыри, Александра

Никифоровна въ 1852 г. воротилась на родину. Со слезами на глазахъ разсказывала она о свиданіи съ ожидавшимъ ее съ нетерпѣніемъ старцемъ. Долго обнималъ меня Федоръ Кузьмичъ, прежде чѣмъ приступилъ ко мнѣ съ разспросами о моихъ странствованіяхъ, и все то я разсказала ему, гдѣ была, что видѣла и съ кѣмъ разговаривала; слушалъ онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ разспрашивалъ подробно, а потомъ сильно задумался; смотрѣла я на него, разсказывала дальше Александра Никифоровна, да и говорю ему спроста: батюшка, Федоръ Кузьмичъ! Какъ вы на Императора Александра Павловича похожи! Какъ я только это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурились, да строго такъ на меня: «А ты почемъ знаешь? Кто это тебя научилъ такъ сказать?» Я и испугалась.—Никто, говорю, батюшка,—это я такъ спроста сказала; я видѣла во весь ростъ портретъ Императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и также руку держите, какъ онъ! Ничего

не сказалъ ей на это старецъ, повернулся только и вышелъ въ другую комнату и, какъ она увидѣла, обтеръ рукавомъ своей рубашки полившіяся изъ глазъ слезы...

Далѣе исторія Александры Никифоровны принимаетъ уже совершенно сказочный характеръ, напоминая собою сверхъ-естественныя приключенія героевъ тысячи и одной ночи. Тѣмъ не менѣе, достовѣрность дальнѣйшихъ событій вполнѣ подтверждается неопровержимыми фактами и заставляетъ только удивляться такимъ обстоятельствамъ, наводя, однако, на различныя размышленія. Около 5 лѣтъ прожила она возлѣ старца, продолжая попрежнему окружать его нѣжною и безкорыстною заботливостью. Въ свою очередь и старецъ отдавалъ ей предпочтеніе предъ всѣми дѣвушками, слѣдя за ней, какъ за родною дочерью, и руководилъ всѣми ея поступками. Это было нѣчто въ родѣ идеальной любви убѣленнаго сѣдинами старца къ молодой и цвѣтущей, незапятнанной дрязгами дѣвушкѣ.

«Погоди, успѣешь еще выйти замужъ, говорилъ онъ ей неоднократно, когда она со-

общала ему о безпрестанно повторяющихся предложеніяхъ со стороны молодежи той деревни, гдѣ она жила. За твою доброту Богъ не оставитъ тебя, и царь позаботится наградить тебя за твое обо мнѣ попеченіе». Тоже самое говорилъ онъ и ея братьямъ: «Не трогайте ее, она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ,— самъ царь наградитъ ее своею казною».

Въ концѣ 1857 г. Федоръ Кузьмичъ снова вызываетъ въ ней желаніе отправиться на богомолье въ Россію, снова указываетъ ей на мѣста, гдѣ она можетъ ожидать для себя особаго гостепріимства и помощи, и въ особенности упираетъ на то, чтобы она побывала въ Кіево-Печерской лаврѣ.

«Есть тамъ, говорилъ онъ ей, такъ называемыя пещеры, и живетъ въ этихъ пещерахъ великій подвижникъ—старецъ Парфеній (умеръ 1864 г.) и еще одинъ старецъ Афанасій; живутъ они: одинъ въ Дальнихъ, а другой въ Ближнихъ пещерахъ; отыщи ихъ тамъ непремѣнно, попроси ихъ помолиться за тебя, разскажи имъ о житьѣ своемъ. Въ особенности не забудь побывать у Парфенія.

Если онъ спроситъ тебя, зачѣмъ ты пришла къ нему, скажи, что просить благословенія,— ходила по святымъ мѣстамъ и пришла съ Красной рѣчки; что бы ни спрашивалъ онъ тебя, говори ему чистую правду, потому что великій это подвижникъ и угодникъ Божій. А что, Сашенька, ты меня не боишься?»

Что же мнѣ васъ бояться то Федоръ Кузьмичъ, вѣдь вы ласковы ко мнѣ всегда были, да и другихъ то никого не обижаете!

«Это только теперь я съ тобой такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, навѣрное, испугалась бы меня»!

Въ тотъ разъ онъ много говорилъ о Петербургѣ, о царяхъ и войнахъ, которыя такъ губятъ безвинный народъ!

Не стану описывать подробностей этого странствованія, замѣчу только, говоритъ Мельницкій, что всѣ, на кого указывалъ ей Федоръ Кузьмичъ, принимали ее съ особеннымъ гостепріимствомъ, указывали дальнѣйшій путь и безопасные пріюты и ограждали отъ различныхъ случайностей. Въ Петербургѣ чрезъ генерала (фамилію его она забыла) ей пришлось проѣхаться въ Валаамъ на одномъ пароходѣ

съ покойною Императрицею Маріею Александровною, которая узнавъ отъ своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала о Сибири.

Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій добралась она и до Кіева. Отстоявъ утреню и обѣдню въ Лаврѣ, отправилась она въ скитъ и отыскала старца Парфенія. Схимникъ встрѣтилъ ее очень сурово, но узнавъ, откуда она, обласкалъ и благословилъ ее.

«Зачѣмъ тебѣ мое благословеніе, замѣтилъ онъ ей,—когда у васъ на Красной рѣчкѣ есть великій подвижникъ и угодникъ Божій! Онъ будетъ столпомъ отъ земли до неба!»

Послѣ этихъ словъ о. Парфеній долго разспрашивалъ ее объ ея странствованіяхъ, намѣреніяхъ и жизни въ Сибири, а затѣмъ спросилъ, долго ли она думаетъ оставаться въ Кіевѣ? Получивъ отвѣтъ, что желаніе ея заключается въ томъ, чтобы поскорѣе добраться до родины, онъ сказалъ ей:

«Нечего тебѣ дѣлать въ Сибири, оставайся здѣсь, поговѣй у меня, а когда причастишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда отправиться».

Исполнивъ это приказанiе, Александра Никифоровна пришла къ нему за совѣтомъ.

«Если кто будетъ тебя звать въ Почаевъ, то поѣзжай туда, сказалъ ей о. Парфенiй,— и приходи ко мнѣ, я благословлю тебя».

«Но вѣдь я уже была тамъ», замѣтила Александра Никифоровна.

«Все равно, поѣзжай»!

Грустно и страшно сдѣлалось Александрѣ Никифоровнѣ, однако она не рѣшалась ослушаться. На другой день долго и горячо молилась она за обѣднею, слезы такъ и лились изъ глазъ ея.

Народъ уже выходилъ изъ церкви, когда она встала съ колѣнъ и оставила свою молитву. Смотритъ, въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ стоитъ какой—то пожилой офицеръ и пристально на нее смотритъ. Александрѣ Никифоровнѣ стало неловко.

Вдругъ офицеръ обращается къ ней и спрашиваетъ:

«О чемъ вы такъ горько плакали»?

«Не знаю, куда идти, отвѣчала я ему:— хочется воротиться домой, а старецъ Парфенiй совѣтуетъ отправиться въ Почаевъ»!

«Поѣдемте вмѣстѣ въ Почаевъ, я тоже туда ѣду, а теперь пойдемте ко мнѣ чай кушать»!

Александра Никифоровна еще болѣе растерялась.

«А вы семейные»? спрашиваетъ она въ замѣшательствѣ.

«Да, у меня большое семейство, говоритъ офицеръ, замѣтивъ ея замѣшательство.—Не бойтесь, у меня останавливаются разныя странницы, меня здѣсь всѣ знаютъ—я маіоръ Федоровъ».

Войдя въ домъ маіора, она тотчасъ увидѣла все его семейство: это была цѣлая толпа разныхъ странницъ и странниковъ. Вся квартира представляла нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома. Здѣсь находили пріютъ и даровое угощеніе многіе богомольцы, и Александра Никифоровна почувствовала себя сразу, какъ у себя дома. Маіоръ Федоровъ провелъ ее въ свои комнаты и позаботился накормить ее, какъ можно получше. Дня черезъ два маіоръ собрался ѣхать въ Почаевъ. Александру Никифоровну очень безпокоила мысль, что она не имѣетъ

паспорта, потому что старому срокъ давно уже истекъ, а родные ея, требуя домой, не высылали нарочно новаго; все это она и объяснила своему благодѣтелю.

«Я—вашъ паспортъ? отвѣтилъ ей маіоръ. Со мной можете быть совершенно спокойны, васъ никто не обидитъ. Поѣдемте»!

По прибытіи въ Почаевъ, по совѣту маіора, Александра Никифоровна остановилась у двухъ старушекъ, ему знакомыхъ. На другой день, послѣ обѣдни, приходитъ монахъ и проситъ Александру Никифоровну пожаловать къ преосвященному Исидору (экзархъ Грузіи, архіепископъ Тифлисскій, онъ пріѣзжалъ въ Почаевъ и живалъ тамъ по нѣсколько недѣль).

«Зачѣмъ я къ нему пойду, вѣдь преосвященный меня не знаетъ; не обманъ ли это какой», подумала она, а потому и отказалась отъ приглашенія.

Чрезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго; тогда, скрѣпя сердце и недоумѣвая, отправилась Александра Никифоровна къ нему.

Преосвященный тотчасъ же принялъ ее

очень радушно, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофе и закидалъ разными вопросами.

«Какъ это вы не боитесь, сказалъ онъ ей между прочимъ, въ такихъ лѣтахъ (ей было тогда 32 года) пускаться въ такое дальнее странствованіе? Мой совѣтъ—выходите-ка лучше замужъ, а я вамъ отыщу жениха хорошаго».

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архіерея набожную странницу. Преосященный позвонилъ и велѣлъ пригласить дожидавшагося у него въ кабинетѣ маіора Федорова.

«Вотъ, сказалъ преосвященный, вы очень понравились маіору Федору Ивановичу, и онъ непремѣнно хочетъ просить руки вашей. Мой отеческій совѣтъ—не отказывайтесь».

Преосвященный Исидоръ отъ себя вытребовалъ съ Красной рѣчки ея метрику, и Александра Никифоровна вышла замужъ за маіора Федора Ивановича Федорова.

Проживши въ Кіевѣ пять лѣтъ съ мужемъ, уже вышедшимъ въ отставку, она овдовѣла и воротилась на родину, въ городъ

Томскъ, получивъ пожизненную пенсію—сто пятьдесятъ рублей въ годъ.

«Вотъ, замѣтила она, и сбылось предсказаніе старца Федора Кузьмича, который говорилъ: «Погоди, самъ царь наградитъ тебя своею казною за твою доброту и попеченіе обо мнѣ». Теперь я вдова, получаю пенсію и живу, какъ мнѣ хочется».

Александра Никифоровна, по возвращеніи на родину, не застала въ живыхъ старца Федора Кузьмича.

Въ 1863 г. старецъ Федоръ Кузьмичъ нѣкоторое время проживалъ у казака Сидорова въ Бѣлоярской станицѣ. Въ декабрѣ (18-го) Хромовъ пріѣхалъ навѣстить его здѣсь и засталъ уже больнымъ. Вскорѣ старецъ, несмотря на свою болѣзнь, рѣшилъ ѣхать въ Томскъ, куда прибылъ 3-го января 1864 г. Сначала, казалось, онъ сталъ поправляться, но 19-го января ночью, сознавая приближеніе смерти, онъ съ такими словами обратился къ Хромову: «видно, близко конецъ»...

Предчувствіе не обмануло Великаго старца: 20-го января онъ ослабѣлъ настолько, что не

могъ уже самъ перевернуться. Съ 10 часовъ утра ему стало особенно тяжело, — онъ томился и метался, постоянно мѣняя свое положеніе.

Видя, что жизнь старца угасаетъ, жена Хромова, бывшая тутъ, обратилась къ нему съ такими словами: «объяви хотя имя своего ангела!» Но на это онъ отвѣтилъ: «это Богъ знаетъ».

Въ теченіе дня Хромовъ неоднократно заходилъ провѣдать умиравшаго. Видно было, что Федоръ Кузьмичъ боролся со смертью: то ляжетъ на одинъ бокъ, то привстанетъ, то опять поворотится на другой бокъ, постоянно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Много приходило народу въ послѣдній разъ поклониться всѣми высокочтимому и уважаемому Великому старцу.

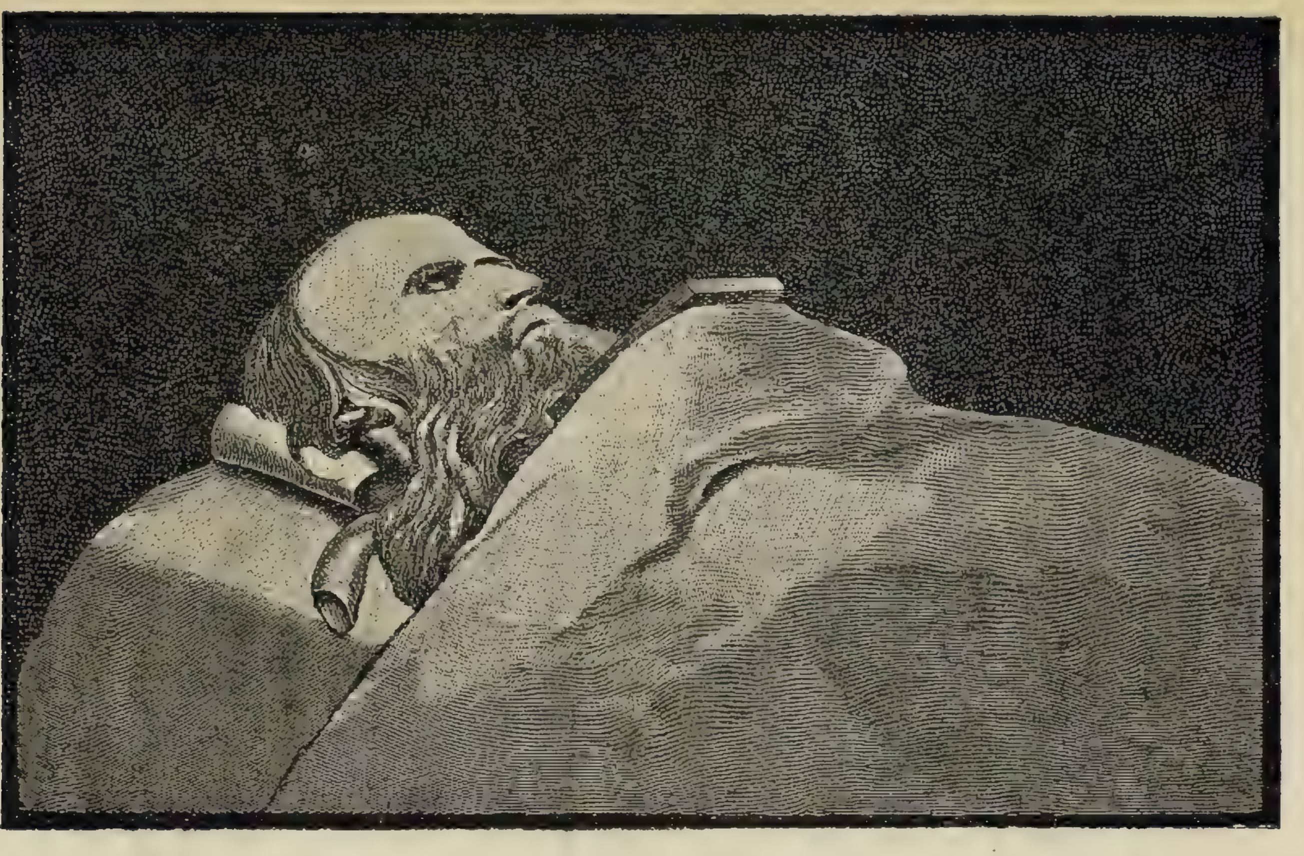
Послѣ 8-ми часовъ вечера, когда всѣ посторонніе люди ушли, старецъ обращаясь къ Хромову и показывая ему маленькій мѣшечекъ на стѣнѣ, сказалъ: «въ немъ моя тайна *)».

*) Въ мѣшочкѣ послѣ смерти Федора Кузьмича нашли снимокъ, какъ думаютъ, ключъ къ его перепискѣ съ другими лицами.

Потомъ онъ попросилъ себя поднять, а посидѣвши немного, просилъ снова положить на лѣвый бокъ. Полежалъ немного, вдругъ самъ поворотился на спину, три раза тяжело вздохнулъ, а потомъ въ три четверти девятаго часа вечера 20-го января, вздохнувши тихо четвертый разъ, безъ стоновъ предалъ свою праведную душу въ руки Божіи. Правая рука лежала на груди со сложеніемъ перстовъ для крестнаго знаменія.

Такъ окончилось земное существованіе таинственнаго отшельника—Сибирскаго старца Федора Кузьмича, на 87 г. жизни.

23-го числа состоялось торжественное погребеніе его, которое совершали настоятель Томскаго Алексѣевскаго монастыря архимандритъ Викторъ, кафедральный протоіерей Михаилъ Германовъ, казначей монастыря Рафаилъ и священникъ Василій Россовъ. При отпѣваніи архимандритъ сказалъ слово, посвященное подвижничеству старца. Масса народу и мѣстныя власти придавали торжественность похоронамъ всѣми чтимаго и пользовавшагося особенною любовью мѣстныхъ

Рабъ Божій, старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ.
Скончался 20 Января 1864 г.

жителей за строго подвижническую жизнь загадочнаго и Великаго старца.

Похоронили Федора Кузьмича на кладбищѣ Томскаго Богородице—Алексѣевскаго мужского монастыря, на сѣверо-восточной сторонѣ, въ 3-хъ саженяхъ отъ алтаря монастырской церкви.*)

Могилка уважаемаго старца была обнесена деревянною рѣшеткою, окрашенною бѣлою краскою. По угламъ посажены четыре кедра, а внутри ограды крестъ деревянный, окрашенный тоже бѣлою краскою и съ надписью на немъ:

«Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Федора Кузьмича, скончавшагося 20-го января 1864 г.»

По приказанію бывшаго начальника Томской губерніи Мерцалова, надпись—«Великаго Благословеннаго» была закрашена бѣлою краскою, которая отъ времени слиняла, такъ что теперь ясно можно прочесть, что было написано ранѣе.

*) По слухамъ, неизвѣстное вліятельное лицо пожертвовало очень крупную сумму денегъ для постройки монастыря въ томъ мѣстѣ, гдѣ Федоръ Кузьмичъ жилъ и умеръ.

Въ настоящее время могила обнесена желѣзною рѣшеткою и закрыта сверху желѣзною крышею.

Память о великомъ подвижникѣ живетъ среди жителей Томска и окрестныхъ селъ до сей поры. Съ его именемъ связаны самыя свѣтлыя воспоминанія. Но тайна, которая покрывала всю его жизнь, осталась неразгаданной до сей поры,—онъ унесъ ее съ собою въ могилу.

Однако народная молва почему-то связываетъ имя этого загадочнаго Сибирскаго старца Федора Кузьмича съ именемъ Императора Александра Благословеннаго, не смотря на то, что старецъ никогда не обнаруживалъ никакихъ признаковъ самозванства и всячески уклонялся отъ вопросовъ о своемъ происхожденіи, упорно называя себя бродягою.

Князь Голицинъ, записавшій народную легенду о Сибирскомъ отшельникѣ, объясняетъ появленіе ея тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній имѣлъ большое сходство съ Императоромъ Александромъ I.

Вотъ какъ онъ пишетъ въ ноябрьскомъ номерѣ Русской Старины за 1880 г. Однажды,

въ 1860-хъ годахъ, одинъ пріятель мой, котораго я навѣстилъ, показалъ мнѣ небольшую фотографическую карточку, говоря: «Посмотрите, не найдете ли сходства съ кѣмъ-нибудь, вамъ извѣстнымъ?»—Смотрю—и вижу: великаго роста и благолѣпнаго вида старецъ, съ обнаженною отъ волосъ головою, въ бѣлой крестьянской рубахѣ, опоясанный пояскомъ, съ обнаженными ногами, стоящій среди крестьянской хижины. Лицо — прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни съ кѣмъ припомнить не могу. Наконецъ пріятель мой спрашиваетъ меня: «Не находите ли сходства... съ покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ?» Я крайне удивился—началъ пристальнѣе всматриваться и, точно, сталъ понемногу находить нѣкоторое сходство и въ чертахъ лица и въ ростѣ; но я недоумѣвалъ, что значили эти борода, одежда, хижина? Тогда пріятель разсказалъ слѣдующее.

— «Карточку эту далъ мнѣ, предложивъ тѣ же вопросы, что и я вамъ, одинъ пріятель мой, долго жившій въ Сибири и недавно пріѣхавшій оттуда. Онъ разсказалъ мнѣ

при этомъ, что по общему въ Сибири, въ то время, народному повѣрью, послѣ смерти Императора Александра Павловича, въ одномъ глухомъ мѣстѣ Западной Сибири водворился неизвѣстный отшельникъ и затворникъ или—какъ народъ нашъ называетъ—«блаженный». Въ лѣсу, вдали отъ человѣческаго жилья, въ совершенномъ затворничествѣ, въ малой хижинѣ, жилъ онъ въ безвѣстности. Вскорѣ въ народѣ стала болѣе и болѣе распространяться молва о «блаженномъ» затворникѣ и привлекать къ нему народъ. Затворникъ, однако, не впускалъ къ себѣ никого, исключая весьма рѣдкихъ случаевъ и то немногихъ,—тяжко страдавшихъ тѣлесными или душевными недугами; при этомъ затворникъ впускалъ по одиночкѣ прибѣгавшихъ къ нему, иного—въ небольшія сѣни, а иного—и въ свою убогую келью. И тогда всякаго сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всей наружности затворника, въ благолѣпныхъ чертахъ лица, и въ кроткихъ глазахъ, и въ обаятельномъ звукѣ голоса, и въ чудныхъ рѣчахъ, и во всѣхъ пріемахъ и движеніяхъ... Все это

производило на посѣтителей такое впечатлѣніе, что всѣ невольно преклоняли передъ затворникомъ колѣни и кланялись ему въ землю.

По говору народному, затворникъ имѣлъ какой-то особенный даръ утолять страданія, не только тѣлесныя, но и душевныя, или словеснымъ наставленіемъ и указаніемъ способа исцѣленія, или же прозорливымъ предсказаніемъ.

Въ числѣ стремившихся посѣтить его случилось быть одному по слѣдующему случаю, какъ гласила народная молва. Въ той же мѣстности жили двое бывшихъ придворныхъ служителей: одинъ изъ нихъ опасно заболѣлъ и, не имѣя возможности самому отправиться къ затворнику, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить у него помощи или указанія средства исцѣленія больного. Товарищъ его, при помощи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ затворнику, былъ принятъ послѣднимъ въ его кельи, провожатый же остался въ сѣняхъ.

Посѣтитель, какъ только вошелъ въ келью, тотчасъ бросился въ ноги затворнику и, стоя

передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшею головой, съ невольнымъ страхомъ, разсказалъ ему, въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что затворникъ обѣими руками своими поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ и не вѣритъ ушамъ своимъ— чудный, кроткій, знакомый ему голосъ...

Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на затворника—и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на землю...

Затворникъ отворилъ дверь въ сѣни и кротко сказалъ провожатому: «возьмите и вынесите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никогда не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ; больной же товарищъ его выздоровѣетъ» (что дѣйствительно и случилось). Очнувшійся же и оправившійся не могъ утаить отъ своихъ провожатаго и товарища, что въ лицѣ затворника онъ узналъ... Императора Александра Павловича, но престарѣлымъ и съ сѣдою бородой!...

Не смотря на запрещеніе затворника, тайна эта, повѣданная только провожатому и товарищу, огласилась,—и въ простомъ народѣ

въ Западной Сибири распространилась молва, что затворникъ былъ — Императоръ Александръ Павловичъ!... «Вотъ», заключилъ пріѣзжій изъ Сибири—«что, по крайней мѣрѣ, гласитъ народная молва и не безъ убѣжденія».

Нѣтъ сомнѣнія, что поводомъ къ ней послужило совершенно случайное сходство въ наружности и голосѣ затворника съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, и что народная молва объ этомъ съ довѣріемъ принята была нашимъ слишкомъ легковѣрнымъ народомъ, чему столько подобныхъ примѣровъ не разъ бывало у насъ и въ смутное время самозванцевъ, и въ Пугачевщинѣ, и въ сказкѣ о «попѣ съ козлиной бородой» на Казанской площади, послѣ 14-го декабря 1825 г. и т. п.. Опровергать же тождество затворника съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, которое, конечно, не могло имѣть мѣста, совершенно излишне».

Въ Русской же Старинѣ за ноябрь 1887 г. въ небольшой замѣткѣ — «Отшельникъ Федоръ», И. Смирновъ разсказываетъ, что въ 1870-хъ годахъ, уже послѣ смерти старца

Федора, ему приходилось слышать въ Томскѣ отъ родственниковъ Хромова увѣреніе о необыкновенномъ величіи этого старца отшельника, за которымъ скрывался самъ Императоръ Александръ Павловичъ. Возраженія и опроверженія И. Смирнова не могли поколебать вѣры, а легковѣрная молва продолжала держаться и обращаться, сначала въ ограниченномъ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ Хромова, постепенно получая все большее и большее распространеніе.

Много лѣтъ, проведенныхъ мною въ Сибири, даютъ мнѣ полное основаніе утверждать, что легенда эта неизмѣнно живетъ и свято хранится среди сибиряковъ, получая все большее и большее распространеніе.

Одного нельзя замолчать, это накопленія неизбѣжныхъ наслоеній и варіантовъ, которые все больше и больше удаляютъ ее отъ первоисточника и засоряютъ ненужными подробностями.

Попытка выяснить причину, породившую народную молву, такъ сказать, открыть ключъ къ загадочной легендѣ, не увѣнчалась успѣ-

хомъ, хотя я занимался изученіемъ вопроса тамъ, гдѣ больше четверти вѣка жилъ, незамѣтно работалъ надъ просвѣщеніемъ и воспитаніемъ темныхъ наивно-простодушныхъ нашихъ собратій удивительный старецъ, гдѣ прервалась его загадочная жизнь, гдѣ остались о немъ свѣтлыя воспоминанія.

Кромѣ разсказовъ о какомъ-то бывшемъ придворномъ служителѣ, узнавшемъ въ лицѣ затворника—Императора Александра Павловича, приходилось неоднократно слышать басни о загадочномъ посѣщеніи Федора Кузьмича какими-то высокопоставленными лицами, пріѣзжавшими изъ далека для одного свиданія со старцемъ, о какой-то таинственной перепискѣ его то съ Кіевомъ, то съ Петербургомъ, о благословеніи митрополитомъ Филаретомъ Императора Александра Павловича на столь суровый подвигъ и т. д....

Наконецъ люди, интересовавшіеся загадочной исторіей Сибирскаго старца, пытавшіеся во что бы то ни стало связать его имя съ именемъ Императора Александра Благословеннаго, указывали на странное совпаденіе появленія Федора Кузьмича въ Пермской

губерніи со временемъ смерти Серафима Саровскаго, котораго покойный Императоръ будто бы инкогнито посѣтилъ во время послѣдней поѣздки изъ Петербурга въ Таганрогъ и у котораго онъ впослѣдствіи якобы нашелъ себѣ пріютъ.

Всѣ эти слухи безъ сомнѣнія даютъ интересный матеріалъ для характеристики народнаго настроенія, прекрасно рисуютъ картину происхожденія и развитія вообще народныхъ легендъ, но очень мало приближаютъ къ разгадкѣ таинственнаго старца.

Интересно, что народная молва о Сибирскомъ старцѣ давно уже перевалила черезъ Уралъ и попала во внутреннюю Россію. Давно уже и здѣсь она нашла себѣ мѣсто и радушный пріемъ сначала въ интеллигентномъ обществѣ, а потомъ постепенно проникая и въ народныя массы.

Такъ И. Смирновъ въ ноябрьскомъ номерѣ Русской Старины за 1887 г. говоритъ, что въ 1885 г. ему въ Петербургѣ случайно пришлось видѣть и читать ходившую по рукамъ объемистую рукопись о необыкновенномъ отшельникѣ Федорѣ, какъ знатномъ и вели-

комъ въ мірѣ, съ легендами объ его мудрости, прозорливости, святости и даже чудесахъ.

Тотъ же Смирновъ, между прочимъ, приводитъ разсказъ, ходившій по Петербургу, на тему о мнимой смерти Императора Александра Павловича. Разсказъ этотъ, называемый И. Смирновымъ нелѣпымъ и невѣроятнымъ, ставился нѣкоторымъ образомъ въ связь съ загадочнымъ Сибирскимъ старцемъ и пожалуй имѣлъ назначеніе подойти къ разгадкѣ таинственной легендарной исторіи его.

Вотъ какъ передаетъ И. Смирновъ этотъ разсказъ: «Во время пребыванія своего въ Таганрогѣ, Императоръ, осматривая со своимъ лейбъ-медикомъ Виллье военный лазаретъ, нашелъ тамъ умирающаго солдата, весьма схожаго лицомъ съ Императоромъ. Этотъ солдатъ былъ доставленъ во дворецъ и выданъ за Александра Павловича, который удалился, какъ простой странникъ. Солдатъ же по смерти былъ похороненъ, какъ Императоръ. Виллье же, какъ главный дѣятель этой подмѣны, награжденъ былъ огромною

суммою денегъ, на которую будто бы и выстроена была клиника Виллie въ Петербургѣ.

Рядомъ съ этимъ И. Смирновъ сообщаетъ нелишенныя интереса подробности изъ жизни Федора Кузьмича, которыя, такъ сказать, намекомъ должны были объяснить загадочную исторiю его. По его словамъ, та же стоустая молва приписала Сибирскому отшельнику Федору завѣщанiе, сдѣланное якобы передъ смертью,—«доставить во дворецъ икону и перстень». И вотъ, когда эти вещи были привезены въ Петербургъ и доставлены по назначенiю, то будто бы оказалось, что эта икона и перстень какъ разъ тѣ самые, которые пропали передъ кончиною Императора Александра Павловича.

Н. К. Шильдеръ, историкъ жизни и царствованiя Императора Александра Перваго, не оставившiй безъ вниманiя и легенду о Федорѣ Кузьмичѣ, между прочимъ говорилъ, что личность этого отшельника вызвала къ жизни даже официiальную переписку «о нѣкоемъ старикѣ, о которомъ ходятъ въ народѣ ложные слухи».

На тему о томъ, какъ вообще создаются легенды, Н. К. Шильдеръ вспоминаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе одного французскаго писателя.

...«онѣ распускаются, подобно роскошнымъ цвѣтамъ, подъ лучезарнымъ блескомъ, озаряющимъ жизнь героевъ. Человѣкъ уже снизошелъ въ могилу, а легенда переживаетъ его; она слѣдуетъ за его переходомъ въ вѣчность, подобно слѣду, оставленному метеоромъ, и вскорѣ разрастается, расцвѣтаетъ, становится болѣе блестящей, болѣе сіяющей»...

Конечно, разсказъ, приведенный И. Смирновымъ о мнимой смерти Императора Александра Павловича, далеко не единственный. Н. К. Шильдеръ говоритъ, что народная молва объ этомъ впервые распространилась по Россіи еще въ 1826 году.

Вызвана она, очевидно, была неожиданной кончиною Императора Александра I-го въ Таганрогѣ и необычайными обстоятельствами, среди которыхъ совершилось восшествіе на престолъ Императора Николая Павловича.

Самые нелѣпые толки и слухи зарождались и распространялись подъ сѣнью господ-

ствовавшей тогда полнѣйшей безгласности, благопріятствовавшей ихъ развитію среди темныхъ народныхъ массъ. Правительство собрало въ то время множество донесеній объ этихъ толкахъ, заслуживающихъ вниманія историка, какъ несомнѣнное произведеніе народной фантазіи, старавшейся по своему объяснить событія этой смутной эпохи.

Однако все это мало приближаетъ къ вопросу, гдѣ основанія возникновенія и прочнаго существованія самой легенды.

По этому поводу чрезвычайно интересныя соображенія даетъ Баронъ Корфъ въ своей книгѣ: «Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го», составленной по Высочайшему повелѣнію и изданной въ 1857 г. третьимъ изданіемъ—для публики.

Въ Россіи и въ остальной Европѣ, говоритъ Баронъ Корфъ, давно утвердилась мысль, что Императоръ Александръ до послѣднихъ дней своихъ имѣлъ тайное намѣреніе отречься отъ Престола и перейти къ жизни частной.

Обыкновенно думали, что это намѣреніе родилось въ немъ послѣ низложенія Напо-

леона, когда возстановитель законныхъ царствъ и умиритель Европы, утомленный славою величія, разочарованный въ мечтахъ о благодарности и привязанности человѣческой, сосредоточился въ самомъ себѣ и отъ помысловъ земныхъ воспарилъ къ небесамъ.

Однако, по словамъ Барона Корфа, желаніе оставить Престолъ жило въ немъ и даже повѣрялось близкимъ ему лицамъ гораздо ранѣе апогея его величія.

Въ письмахъ къ своему воспитателю Лагарпу изъ временъ первыхъ годовъ царствованія Александра І-го встрѣчается такое мѣсто: «когда Провидѣнье благословитъ меня возвести Россію на степень желаемаго мною благоденствія, первымъ моимъ дѣломъ будетъ—сложить съ себя бремя правленія и удалиться въ какой-нибудь уголокъ Европы, гдѣ я стану безмятежно наслаждаться добромъ, утвержденнымъ въ отечествѣ».

Правда мысль объ отреченьи появлялась у него еще у юноши, почти ребенка, еще при жизни Императрицы Екатерины, когда о престолѣ и не было рѣчи. Чѣмъ навѣяна

эта мысль, мы не беремся судить, но вотъ что пишетъ 10 мая 1796 г. 18-лѣтній юноша Великій Князь своему любимцу и другу Виктору Павловичу Кочубею, тогдашнему посланнику нашему въ Константинополѣ *):

«Настоящее письмо, мой любезный другъ, вручитъ вамъ г. Гаррикъ, о которомъ я уже писалъ вамъ прежде. Это даетъ мнѣ случай поговорить съ вами откровенно о многомъ.

«Сознайтесь, дорогой другъ, что вы дѣйствительно дурно поступаете, не извѣщая меня ни о чемъ, лично васъ касающемся; только теперь я узналъ, что вы взяли отпускъ и ѣдете лѣчиться въ Италію, а оттуда на нѣкоторое время въ Англію. Отчего вы мнѣ объ этомъ не написали ни слова? Я начинаю думать, что вы или сомнѣваетесь въ моей дружбѣ къ вамъ, или не имѣете достаточнаго ко мнѣ довѣрія, которое, смѣло могу сказать, вполнѣ заслуживаю моею безпредѣльною къ вамъ дружбою. Во имя ея умоляю васъ, передавайте мнѣ все, что до васъ относится,

*) Баронъ Корфъ, стр. 227.

чѣмъ, вѣрьте, доставите мнѣ самое большое удовольствіе. Впрочемъ, признаюсь, я восхищенъ, что вы разстались съ мѣстомъ, которое приносило вамъ только однѣ непріятности, не вознаграждая за нихъ никакими наслажденіями.

«Г. Гаррикъ очень милый малой. Онъ провелъ здѣсь нѣсколько времени и ѣдетъ теперь въ Крымъ, откуда отправится въ Константинополь. Считаю его очень счастливымъ, потому что онъ будетъ имѣть случай видѣть васъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи завидую его положенію тѣмъ болѣе, что отнюдь недоволенъ своимъ. Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторяю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу, для полу-

ченія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями; а, между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З. . . . , П. . . . Б. . . . . . , оба С. . . . . . , М. . . . . . . и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться. Я просилъ г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлю придти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а Имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять Государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ

женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастнымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію.

«Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; увидѣть васъ было бы для меня, пока, самымъ счастливымъ событіемъ.

«Жена моя вамъ кланяется; ея мысли совершенно согласны съ моими».

Мы привели это письмо нарочно цѣликомъ, ибо въ немъ не мало серьезныхъ основаній для возникновенія легенды о смерти Императора Александра Павловича. Къ тому же масса историческихъ данныхъ подтверждаютъ, что Императоръ задолго еще до своей смерти не чувствовалъ себя счастливымъ на престолѣ, тяготился своимъ положеніемъ и все чаще и чаще возвращался къ мысли, запавшей еще въ юную впечатлительную душу его.

А тутъ какъ разъ открывшійся заговоръ, угрожавшій и спокойствію Россіи и личной безопасности Государя...

Не малое основаніе къ различнымъ кривотолкамъ по поводу кончины Императора Александра Павловича безъ сомнѣнія послужила и обстановка отъѣзда его изъ Петербурга въ Таганрогъ, наталкивавшая на мысль, что Императоръ или предчувствовалъ близкую кончину, или прощался подъ давленіемъ неотвязно преслѣдовавшей его затаенной мечты—удалиться отъ власти.

Вотъ какъ описываетъ картину отъѣзда Императора изъ Петербурга Н. К. Шильдеръ:

1-го сентября Императоръ Александръ покинулъ свою столицу уже навсегда. Ночная тишина и мракъ царствовали надъ городомъ, когда онъ выѣхалъ одинъ, безъ всякой свиты, изъ Каменноостровскаго дворца.

Въ 4 часа съ четвертью пополуночи коляска остановилась у монастырскихъ воротъ Невской лавры. Здѣсь ожидали Государя митрополитъ Серафимъ, архимандриты въ полномъ облаченіи и вся братія. Александръ въ фуражкѣ, шинели и сюртукѣ, безъ шпаги, поспѣшно вышелъ изъ коляски, приложился ко кресту, былъ окропленъ святою водою, принялъ благословеніе отъ митрополита и, приказавъ затворить за собою ворота, направился въ соборную церковь. Хоръ пѣлъ тропарь «Спаси, Господи, люди Твоя»...

Въ соборѣ Государь остановился передъ ракою святого Александра Невскаго. Начался молебенъ, во время котораго Императоръ плакалъ...

Когда наступило время чтенія Евангелія, Государь приблизившись къ митрополиту, сказалъ: «положите мнѣ Евангеліе на голову»,

и съ этими словами опустился на колѣни подъ Евангеліемъ.

По окончаніи молебна, положивъ три поклона предъ мощами Благовѣрнаго князя, приложившись къ его образу, онъ поклонился всѣмъ бывшимъ за молебномъ.

Изъ собора Государь зашелъ ненадолго къ митрополиту, посѣтилъ келью схимника Алексѣя, принялъ отъ него благословеніе и вышелъ, чтобы продолжать свое путешествіе.

Садясь въ коляску, онъ поднялъ къ небу глаза, наполненные слезами и, обратясь еще разъ къ митрополиту и братіи, сказалъ: «помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей». Лаврою до самыхъ воротъ онъ ѣхалъ съ открытою головою, часто оборачиваясь, кланялся и крестился, смотря на соборъ.

Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ...

Было ли то грустное предчувствіе, навѣянное встрѣчею со схимникомъ, была ли то

твердая рѣшимость не возвращаться Императоромъ, кто можетъ рѣшить загадочный вопросъ?—такъ заканчиваетъ эту сцѣну разставанія Н. К. Шильдеръ.

И самая картина и заключительныя слова историка, конечно, заставляютъ задуматься надъ ними и даютъ пищу фантазіи, которой нетрудно вылиться въ какую угодно легенду. И ничего нѣтъ удивительнаго, если молва народная не замедлила выразить въ реальной формѣ ту идею, которая преслѣдовала всю жизнь Благословеннаго Александра, о которой неоднократно заставляютъ вспоминать многочисленные штрихи его исторіи.

А если это такъ, не трудно было перейти отъ одной легенды къ другой, связать ихъ между собою, хотя бы искусственно и съ натяжкою.

Конечно, это не разрѣшеніе загадочной исторіи, это не разгадка народной молвы. Но кто же и сможетъ теперь разрѣшить ее?

Вотъ какъ по этому поводу говоритъ Н. К. Шильдеръ.

«Если бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны

на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собою самые смѣлые поэтическіе вымыслы.

Во всякомъ случаѣ, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы, съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе.

Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, Императоръ Александръ Павловичъ—этотъ «сфинксъ неразгаданный до гроба», безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ, русской исторіи, и его тернистый жизненный путь увѣнчался бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости».

Дозволено цензурою. Москва, 19 Апрѣля 1906 года.